

Савченко А.В.

канд. экон. наук, доцент кафедры
корпоративного управления ФГБОУ
ВО «Государственный университет
управления», Москва

e-mail: iso90002000@mail.ru

«Теория хаоса» Стивена Манна и корпоративное управление

Аннотация

В статье рассматривается проблема анализа внешней среды организации на основе взглядов Стивена Манна о «теории управляемого хаоса». Применение «теории хаоса» позволяет по новому оценить динамику внешней среды и понять природу некоторых происходящих на мировых рынках процессов. «Теория хаоса» не противопоставляется теории управления, а дополняет ее, объясняя нелинейность внешней среды и отдельные причины появления социально-экономических вирусов.

Ключевые слова:

теория хаоса, теория динамического хаоса, асимметричность и нелинейность внешней среды, конкурентоспособность, самоорганизующая критичность, латентное управление, социально-экономические вирусы.

Savchenko A.V.

Candidate of Economic Sciences, As-
sociate Professor, Department of Cor-
porate Governance, FSBEI HE State
University of Management, Moscow

e-mail: iso90002000@mail.ru

Steven Mann's "Chaos Theory" and Corporate Governance

Abstract

The article considers the problem of analysis of the external environment of the organization on the basis of the views of Steven Mann's "theory of controlled chaos". The use of "chaos theory" allows us to re-evaluate the dynamics of the external environment and to understand the nature of some processes in the world market. "Chaos Theory" is not opposed to the theory of management, but complements it explaining the nonlinearity of the environment and the individual causes of socio-economic viruses.

Keywords:

chaos theory, theory of dynamical chaos, nonlinearity and asymmetry of the environment, competitiveness, self-organized criticality, latent management, socio-economic viruses.

Изначально созданная как математическая концепция «теория хаоса», «теория динамического хаоса» или «теория нелинейных математических систем» описывает законы и закономерности случайных явлений в системах, которые должны подчиняться законам детерминизма. Часто такие явления называют «динамический хаос», или «детерминированный хаос» для различия научного термина и общеупотребительного понятия хаоса как беспорядка. Например, атмосферные или разнообразные турбулентные явления в газовой и жидкостной среде, колебательные процессы в электрических и магнито-механических устройствах и т.п.

«Теория хаоса» гласит, что сложные системы чрезвычайно зависимы от первоначальных условий, и небольшие изменения в окружающей среде могут привести к непредсказуемым последствиям. Математические системы с хаотическим поведением являются детерминированными, то есть подчиняются некоторому строгому закону, и, в некотором смысле, являются упорядоченными... Пионерами теории считаются французский физик и философ Анри Пуанкаре (доказал теорему о возвращении),

советские математики А.Н. Колмогоров и В.И. Арнольд и немецкий математик Ю.К. Мозер, построившие теорию хаоса, называемую КАМ (теория Колмогорова – Арнольда – Мозера) <...> теория основана на положении о том, что... динамическая система, которая классифицируется как хаотическая, должна иметь следующее свойство: Она должна быть чувствительна к начальным условиям... Чувствительность к начальным условиям более известна как «Эффект бабочки». Термин возник в связи со статьей «Предсказание: Взмах крыльев бабочки в Бразилии вызовет торнадо в штате Техас», которую Эдвард Лоренц в 1972 году вручил американской «Ассоциации для продвижения науки» в Вашингтоне. Взмах крыльев бабочки символизирует мелкие изменения в первоначальном состоянии системы, которые вызывают цепочку событий, ведущих к крупномасштабным изменениям. Если бы бабочка не хлопала крыльями, то траектория системы была бы совсем другой, что в принципе доказывает определенную линейность системы. Но мелкие изменения в первоначальном состоянии системы могут и не вызывать цепочку событий» [5].

Математическая «теория хаоса» использует особое понятие — «**аттрактор**», особое состояние динамической системы, в которое с течением времени она переходит, приобретая некоторую устойчивость, к которому ее подталкивают имманентные (внутренне присущие) процессы.

В государственное управление на самый высокий, стратегический, уровень теорию хаоса вывел Стивен Манн своей статьей «Теория хаоса и стратегическое мышление» (см.: Steven R. Mann «Chaos theory and strategic thought» (1992): <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA528321>). Она широко обсуждалась в военно-политической элите США, так как была напечатана в главном армейском журнале. В статье отмечалось: «Научные достижения толкают нас за пределы ньютоновских концепций в экзотическую теорию хаоса и самоорганизованную критичность. ...Говоря в двух словах, они утверждают, что структура и стабильность находятся внутри самой видимой беспорядочности и нелинейных процессах. ...Настоящая революция происходит в науке, и ее влияние может изменить как характер войны, так и эталоны стратегического мышления... Неприятие стратегическим сообществом новых парадигм является данью власти нынешних установок. Специфическая парадигма, которая проникла в современное Западное сознание, лучше всего описана в ньютоновском мировоззрении. Она детерминистская, линейная, связана с взаимодействием объектов и сил, и ориентирована на последовательные изменения. Эта единственная точка зрения на мир повлияла на все сферы человеческой деятельности. Один комментатор очень четко подметил: «другие науки поддерживают механистское... видение классической физики как четкое описание реальности и моделируют свои теории в соответствии с ней. Всякий раз, когда психологи, социологи или экономисты хотят приблизиться к научности, они, естественно, обращаются к базовой концепции ньютоновской физики». Как одна из социальных наук, военная наука сталкивается с такими же предпосылками. Будет вполне верным сказать, что эта специфическая дисциплина механики — наука движения и действия сил и тел — захватила наше воображение» [4].

Отмечая в первую очередь консерватизм мышления на высшем управленческом уровне, Стивен Манн проводит безупречную аналогию, фиксируя фундаментальную проблему стратегического мировоззрения. Отмечая кризис стратегического мышления на геополитическом уровне, он поясняет источник этого кризиса и ориентирует на необходимость применения новых мыслетехнических при-

емов. Однако, изучая теорию менеджмента, стратегический менеджмент, мы можем увидеть все указанные недостатки в стратегическом управлении корпораций. Конечно, есть огромное отличие государственного и корпоративного управления, но между ними есть и много общего. Это позволяет применять теорию хаоса как теорию интердетерминированной нелинейно изменяющей свои свойства динамичной внешней среды. Теория хаоса позволяет рассматривать внешнюю среду организации не как пространство сосредоточения комплекса стабильных факторов ближнего и дальнего окружения, влияющих на существование организации, а как нелинейное динамично изменяющееся пространство, в котором любой малозначимый элемент сможет приобрести системообразующее значение.

Стивен Манн родился в Филадельфии в 1951 г. В 1973 г. стал бакалавром в Оберлинском колледже, в 1974 г. — магистром в **Корнеллском университете**. Карьеру на дипломатической службе начал в 1976 г. сотрудником посольства США на Ямайке. В дальнейшем переехал в Москву, затем в Вашингтон. Стивен Манн рос по служебной дипломатической лестнице, став в 1998 г. послом США в Туркменистане. По пути в 1991 г. Стивен Манн закончил Национальный военный колледж в Вашингтоне с отличием. Является советологом и координатором некоторых «цветных революций», знает русский и немецкий языки.

Поясняя свое видение о причинах консерватизма механистического мироотношения в стратегическом мышлении, Стивен Манн отмечает: «...военная и политическая науки напрямую развивались как науки 18 и 19 столетий, в соответствии с ростом значения классической физики и математики. ... Попросту говоря, бой — это механика. Ни для кого не будет удивлением то, что военная стратегия загнана в механицистские рамки. С тех пор как национальная стратегия часто заимствует метафоры сражения — мирная «агрессия», Холодная «война», кампания по строительству государства-нации — опять же, не удивительно, что национальная стратегия отражает это же предубеждение. Политика — это продолжение войны лингвистическими средствами. <...> причиной столь длительного влияния механики является ее доступность. В предыдущем столетии физика (включая ее подраздел — механику) и химия сделали большие шаги по сравнению с другими областями науки. Биология находилась в младенческом состоянии до конца 19 века, а открытия, представляющие теорию относительности Эйнштейна, еще были в будущем. Ньютоновская механика, наоборот, прочно утвердилась в конце 17 века.

Наконец, это механицистское мировоззрение было обнадеживающим, так как утверждало, что в мире происходят поочередные изменения. Это давало надежду стратегам на то, что череда событий может быть предугадана, если будут открыты основополагающие принципы и будут известны те варианты, которые могут быть применимы. Поэтому не будет сюрпризом тот факт, что современные военные теоретики прочно и подсознательно следовали механицистской парадигме. <...> Так называемая революция в военном деле до 1945 г. была представлена лишь в изменениях механического преимущества. ...повышение разрушительности и точности оружия сохранили классические рамки толкования войны. ...так как мир становится более сложным, традиционные теории менее способны на объяснения. Разрыв между теорией и реальностью существует на уровнях и национальной и военной стратегии. <...> Можем ли мы наверняка описать во всей полноте и разнообразии наше международное окружение в традиционных терминах баланса силы...? Механицистское мировоззрение хорошо, но оно недостаточно хорошо. ...оно вынуждает нас упростить сложные ситуации к нескольким основным вариантам. По традиции мы рассматриваем стратегическую мысль как взаимодействие ограниченного количества факторов, в основном военных, экономических и политических. <...> Мы приближаемся к честному пониманию международного окружения и должны признать, что оно нелинейно и, к сожалению, интерактивно. Это сильно затрудняет анализ: «нелинейность означает, что акт игры ведет к изменению правил»...» [4].

Несомненно, каждый руководитель в ситуации неопределенности и неясности ситуации в первую очередь стремится достигнуть понимания если не сущности, то хотя бы специфики происходящего. Поэтому представление о стабильном взаимодействии некоторого ограниченного количества основных факторов в причинно-следственной связке позволяет обрести уверенность и принимать управленческие решения. В ситуации стабильного функционирования организации это приводит к успешности и позволяет решить основные проблемы. Но ужесточение конкурентной борьбы, глобализация мировой экономики усложнение политических процессов и их влияния на экономическую жизнь приводит к необходимости в смене парадигмы стратегического мышления и на корпоративном уровне.

Понимание, что нелинейность и динамичность является основой любых факторов, с одной стороны, выбивает основы уверенности менеджеров в достижимости целей и реализуемости планов. Это

приводит к росту неопределенности, увеличению стресса при принятии значимых, стратегических решений, необходимости идти на больший риск.

С другой стороны, теория хаоса избавляет от иллюзорности, позволяет более объективно смотреть на вещи, понимать природу явлений, вовремя учитывать изменения обстановки, не отмахиваясь от малозначимых явлений. Например, фирма INTEL в 1994 г. не обратила должного внимания на ошибку в процессорах Pentium. По расчетам специалистов компании, у обычного пользователя она проявится один раз в 27 тыс. лет. Однако для улаживания скандала, связанного с этой ошибкой, компании пришлось потратить 475 млн долл. Трудно в это поверить, но это так и есть, абсолютно нулевая, с технической точки зрения, ошибка стоила компании полмиллиарда долларов.

Асимметричность, нелинейность внешней среды требуют от стратегического управления адекватных интеллектуальных инструментов для своего анализа и своевременного реагирования на угрозы и вызовы. Основная идея Стивена Манна о теории хаоса заключается в следующем тезисе:

«Новая наука о хаосе, лежащая в тревожной границе между физикой и математикой, определяется четкими ключевыми принципами:

- теория хаоса прилагается к динамическим системам — системам с очень большим количеством подвижных компонентов;
- внутри этих систем существует непериодический порядок, по внешнему виду беспорядочная совокупность данных может поддаваться упорядочиванию в разовые модели;
- подобные «хаотические» системы показывают тонкую зависимость от начальных условий; небольшие изменения каких-либо условий на входе приведут к дивергентным диспропорциям на выходе;
- тот факт, что существует порядок, подразумевает, что модели могут быть рассчитаны как минимум для более слабых хаотических систем.

«Хаос» — это не совсем удачное выражение для такой дисциплины. Слово вызывает ассоциации с бесформенностью и чистой случайностью, которые осложняют концептуальную задачу. «Нелинейная динамика» — менее перегруженный и более описательный термин, но хаос — это широко употребляемый научный ярлык, так что мы будем применять именно это слово.

Парадигма хаоса не противоречит классической парадигме. В действительности, теория хаоса происходит из классической физики и математики, но она превосходит их. Классический подход описы-

вает линейное поведение отдельных объектов; теория хаоса описывает статистические тенденции очень многих взаимодействующих объектов.

Как эта наука может быть применима для стратега? Как минимум ее применение может осуществляться на двух уровнях. На материальном уровне технологические инновации, которые эксплуатируют теорию хаоса, изменяют основы войны. На теоретическом уровне она предлагает новые основы стратегического мышления...» [4].

Рассматривая в первую очередь государственное стратегическое управление и используя военное дело только как иллюстрацию стратегических особенностей управления, Стивен Манн формулирует принципы, применимые в корпоративном управлении. Менеджер создает деятельность объекта управления в нелинейной рыночной среде, выкристаллизовывая целенаправленные действия подчиненных из неупорядоченности общественных и экономических отношений. Деятельность, являясь очень тонким и сложным механизмом, имеющим нелинейную природу, требует адекватного отношения на любом уровне, и чем сложнее устроена деятельность, тем сложнее и требования.

Конкуренция выводит стратегическое управление корпораций на уровень, аналогичный уровню ведения военных действий, и делает справедливым применение в менеджменте термина «туман войны» или «туман неизвестности», о котором величающий теоретик военного дела Карл фон Клаузевиц в своем трактате «О войне» писал: «...война требует от своих адептов выдающихся умственных сил. Война — область недоверного: три четверти того, на чем строится действие на войне, лежит в тумане неизвестности, и, следовательно, чтобы вскрыть истину, требуется, прежде всего, тонкий, гибкий, проникающий ум.

Иной раз заурядный ум может случайно напасть на истину, другой раз выдающаяся храбрость может заглядеть промах, но на общем уровне успехов недостаток ума в большинстве случаев непременно скажется.

Война — область случайности: только в ней этой незнакомке отводится такой широкий простор, потому что нигде человеческая деятельность не соприкасается так с ней всеми своими сторонами, как на войне; она увеличивает неопределенность обстановки и нарушает ход событий.

Недоверность известий и постоянное вмешательство случайности приводят к тому, что воюющий в действительности сталкивается с совершенно иным положением вещей, чем ожидал; это не может не отражаться на его плане или, по крайней мере, на

тех представлениях об обстановке, которые легли в основу этого плана. Если влияние новых данных настолько сильно, что решительно отменяет все принятые предположения, то на место последних должны выступить другие, но для этого обычно не хватает данных, так как в потоке деятельности события обгоняют решение и не дают времени не только зрело обдумать новое положение, но даже хорошенько оглядеться. Впрочем, гораздо чаще исправление наших представлений об обстановке и ознакомление с встретившейся случайностью оказываются недостаточными, чтобы вовсе опрокинуть наши намерения, но могут все же их поколебать. Знакомство с обстановкой растет, но наша неуверенность не уменьшается, а, напротив, увеличивается. Причина этого заключается в том, что необходимые сведения получаются не сразу, а постепенно. Наши решения непрерывно подвергаются натиску новых данных, и наш дух все время должен оставаться во всеоружии» [2, гл. 3].

Конкурентоспособность как потенциальная возможность получения большего дохода базируется на конкурентных преимуществах. Жизнь организаций в рыночной среде состоит из этапов получения и потери своих конкурентных преимуществ. Развитие общества приводит к интенсификации конкурентной борьбы, поиску факторов, обеспечивающих конкурентное преимущество, и в этом процессе интеллектуальная насыщенность управленческих решений, создание и применение все более сложных методологических приемов играет первостепенную роль.

Одним из практических фокусов внимания в этом подходе является борьба с недобросовестной конкуренцией как с феноменом создания гиперконкурентных рынков. На таких рынках, с одной стороны, целенаправленно препятствуют проникновению на рынок лучших по качеству и ценам товаров и услуг. С другой стороны, целенаправленно создают искаженные представления у субъектов рыночных отношений. С третьей стороны, широко применяют административные, юридические и иные способы подавления конкурентов. На гиперконкурентных рынках «невидимая рука рынка» оснащается «кастетом» предвзятости, обеспечивающим выигрыш в конкурентной борьбе не наиболее достойным, а наиболее бесчестным.

Разработка и реализация выигрышных стратегий, «создание будущего» требует выявления или использование принципиально новых возможностей. Первопроходец всегда получает право формировать свои правила игры, стабилизировать новизну. Теория хаоса позволяет создавать методы диагностики скры-

тых воздействий, манипулирования и деструктивного латентного управления конкурентоспособностью.

Стивен Манн считает: «Настоящая ценность теории хаоса находится на высшем уровне — в сфере национальной стратегии. Хаос может изменить метод, с помощью которого мы рассматриваем весь спектр человеческих взаимодействий и в котором война занимает лишь особую часть. Международная среда является превосходным примером хаотической системы. Интригующее место теории хаоса — «самоорганизованная критичность» — превосходно соответствует ей в качестве анализа. Бэк и Чен дали следующее определение самоорганизованной критичности: «Большие интерактивные системы постоянно путем организации доводят себя до критического состояния, в котором небольшое событие может запустить цепную реакцию, которая может привести к катастрофе... Несмотря на это, композитные системы производят больше небольших событий, чем катастроф, а цепные реакции всех размеров являются интегральной частью динамики... Кроме того, композитные системы никогда не достигают равновесия, но наоборот, эволюционируют от одного метасостояния (т.е. временного состояния) к следующему».

На международной арене традиционная модель приводит нас к переоценке нашего влияния на события и обесценивает все возможности, но основные игроки продолжают иметь решающее влияние на события. Парадигмы хаоса и критичности, наоборот, освещают диспропорционные эффекты, которые могут спровоцировать небольшие акторы. Немецкий физик Герд Айленбергер отмечает:

«Самые мизерные отклонения в начале движения могут привести к огромным различиям позднее — другими словами, крохотные причины могут вызвать непропорциональный эффект спустя определенный интервал времени...».

Далее теория хаоса показывает, что эти отклонения являются самоорганизующимися; что они производятся самой динамической системой. Даже при отсутствии внешних потрясений успешная комплексная система включает в себя факторы, которые толкают систему за пределы стабильности, в турбулентность и переформатирование» [4].

Главная мысль этого высказывания заключается в следующем: необходимо перевести сложную систему в состояние «самоорганизованной критичности», а дальше цепная последовательность неизбежно приведет к кризису. Этот подход можно использовать как для конструктивных, так и для деструктивных целей на геополитическом уровне. Для нас

же важно, что подобные явления происходят и в коммерческих организациях, и использование представлений о «самоорганизованной критичности» повышает мощность аналитических процедур в управлении, в конечном счете конкурентоспособность компаний.

Ключевое требование, обеспечивающее успешность современной организации, — это высокие скорости процессов принятия и реализации управленческих решений. Темп жизни постоянно возрастает, и в менеджеры вынуждены либо упрощать процедуры разработки решений, используя шаблоны и т.п., что неизбежно приводит к потерям и неудачам, либо увеличивать интеллектуальную насыщенность управленческих процедур.

Как пишет Стивен Манн, отрицая структурный «статичный» взгляд на международные отношения: «Метафизическая точка зрения слишком произвольна и упрощенна для международных дел. Мы должны начать с точки, которая начинается с беспорядка, переустройства, является свойственной и неотвратимой для комплексных интерактивных систем. Мир обречен быть хаотичным, потому что многообразие акторов человеческой политики в динамической системе в большей степени имеют разные цели и ценности.

Механицистская парадигма поощряет нас искать причины главных изменений во внешних факторах. Она постулирует базовую инерцию, заложенную в системе до тех пор, пока не начнет действовать какая-то сила извне. Критичность, наоборот, является самоорганизующей. Система работает в сторону главного изменения как результат небольших, в основном игнорируемых событий. Первая Мировая война представляет известный пример самоорганизующей критичности. Убийство эрцгерцога в не приметном балканском городишке инициировало мировую катастрофу, приведшую к гибели 15 миллионов человек, и эффект от которой чувствуется и по сей день» [4].

Самоорганизующая критичность — это «зерно хаоса», из которого вырастают изменения, изменения развития или изменения деградации. Зарождение изменений всегда первоначально незаметно, оно незначительно по масштабам и силу своей новизны обычно маскирует за текущими мелкими неурядицами и отклонениями. Пока это вырастающее «зерно хаоса» не наберет критическую массу и не произойдет прорыв обыденности. Далее события начинают нестись вскачь, динамика изменений резко возрастает и незначительное прежде начало становится системообразующим.

Искусство управления заключается в способности использовать нелинейные, хаотичные процессы для достижения целей организации. Умение спрогнозировать, угадать направленность изменений, как можно раньше зафиксировать начало дестабилизационного процесса — это признак управленческого профессионализма. Теория управляемого хаоса позволяет акцентировать внимание на саморганизованной критичности как потенциальных точках бифуркации центрах, из которых вырастает разрушающее структурные связи начало.

Высказывания Стивена Манна содержат определенную долю циничности, тем не менее помогают понимать основу мировой политики США: «Сейчас... начинаются разговоры о правильной концепции полярности — является ли мир многополярным, однополярным или триполярным, он уже более не двухполярный. Эти разговоры служат примером того, как мы не замечаем очевидных вещей. В политическом плане мир имеет слишком много и различных акторов, чтобы осмыслить его в терминах полярности. Мы еще пытаемся использовать метафору из механицистского лексикона, дающего нам комфортабельно ощущение, что мы действительно понимаем новый мир.

...Даже когда режим контроля над вооружениями имеет декларативную форму и не имеет военного применения, как в случае конвенции от 1972 г. по биологическому и химическому оружию, есть вера в то, что простое, декларативное существование угрозы поможет предотвратить ужасы, связанные с применением этого оружия. Американцы освящают «процесс» контроля над вооружениями как благой сам по себе, независимо от стратегической ситуации или достоинства соглашений.

Эффективные соглашения могут замедлить прогресс системы в сторону критичности, но мы индугируем в иллюзии, если верим в то, что возможна абсолютная стабильность. В международных делах вся стабильность преходяща. ...Стабильность — это не более чем последствие, и никогда не может быть целью» [4].

Мы должны понимать, что мыльный пузырь государственного долга США достиг предельных величин и продолжает расти. Бесконечно этот процесс продолжаться не может. Расплачиваться по своим долгам США не будет. Мыльный пузырь американской экономики лопнет. Избежать этого Соединенные Штаты могут только в случае тотальной дестабилизации. Поэтому глобальной целью Соединенных Штатов является не однополярный, двухполярный или многополярный мир, а глобальный хаос — дестабилизация по всему миру.

Соединенным Штатам не нужна стабильность — она «никогда не может быть целью», по мнению Манна. Поэтому прокатившиеся по постсоветскому пространству оранжевые революции, политические игры на Ближнем Востоке, Северной Африке, санкции против России — это не попытки стабилизировать конфликты, не попытки установить свой порядок — это всего лишь создание саморганизованной критичности.

Рынок при всем своем многообразии и внешней хаотичности всегда требует порядка. Основой рыночных отношений являются гарантии сохранности имущества, которые предоставляются государством. Разрушение государственной, правовой, экономической стабильности убивает бизнес. Выход российских корпораций на международный рынок требует изменения подходов, приспособления к новым обстоятельствам, учета и управления рисками — понимание сути событий, происходящих на международной арене и на мировом рынке за счет использования теории хаоса в аналитике.

Механизм глобальных изменений, которые США сможет использовать, по мнению Стивена Манна, заключается в следующем: «Конфликтная энергия заложена в основы человеческих свойств с того момента, когда индивидум стал базовым блоком глобальных структур. Конфликтная энергия отражает цели, ощущения и ценности индивидуального актора — в сумме, идеологическое обеспечение каждого из нас запрограммировано. Изменение энергии конфликта людей уменьшит или направит их по пути, желательному для наших целей национальной безопасности, поэтому нам нужно изменить программное обеспечение. Как показывают хакеры, наиболее агрессивный метод подмены программ связан с «вирусом», но не есть ли идеология другим названием для программного человеческого вируса?

С этим идеологическим вирусом в качестве нашего оружия США смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать, исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели-народа нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальный прав человека. С сильными американскими обязательствами, расширенными преимуществами в коммуникациях и увеличивающимися возможностями глобального перемещения, вирус будет самовоспроизводящимся и будет распространяться хаотическим путем. Поэтому наша национальная безопасность будет иметь наилучшие гарантии, если мы посвятим наши усилия борьбе за умы стран и культуры, которые отличаются от нашей. Это единственный путь для построения мирового порядка, который будет иметь

длинный период (хотя, как мы видим, никогда нельзя достичь абсолютной постоянности) и будет глобально выгодным. Если мы не сможем достичь такого идеологического изменения во всем мире, у нас останутся спорадические периоды спокойствия между катастрофическими переустройствами.

...Стратегия традиционно описывается как прочная железная связь причин и следствий. Сегодняшняя ситуация в национальной стратегии показывает, что этот Железный Век проходит и мы должны выработать более охватывающее определение стратегии: не просто согласование средств и целей, но согласование парадигм со специфическими стратегическими вызовами... Мы можем многому научиться, если рассматривать хаос и перегруппировку как возможности, а не рваться к стабильности как иллюзорной цели в самой себе» [4].

Представление о человеческих вирусах в социуме носится в воздухе и пока концептуально не оформлено, но получает все большее эмпирическое распространение. Например, Ричард Броуди в книге «Психологические вирусы. Как программируется ваше сознание» применил представление о вирусах для объяснения психологических явлений и процессов и в результате построил вполне работоспособную концепцию. Р. Броуди считает, что «Психические вирусы существовали на протяжении всей человеческой истории, постоянно эволюционируя и изменяясь. Психические вирусы — такие «инфекционные» частицы нашей культуры, которые мгновенно поражают людей, изменяя их мысли и судьбы. Иногда психические вирусы относительно безвредны... иногда они серьезно воздействуют на ход жизни людей... Когда эти «культурные частицы» нам по вкусу, все в порядке. Но не стоит забывать, что в некоторых случаях психические вирусы могут «запрограммировать» наше мышление и поведение... только при этом они будут уничтожать не данные памяти на винчестере, а наши жизни... Проблему усложняет и тот факт, что никогда не известно заранее: является ли «программа», которой инфицирует вас психический вирус, вредоносной или полезной... Психические вирусы не материальны. Они распространяются в процессе коммуникации... Психические вирусы — вовсе не какая-то отдаленная угроза... Они рядом с нами, здесь и сейчас — они живут с нами на протяжении всей известной истории. Психические вирусы постоянно развиваются, они становятся все совершеннее, и все глубже проникает их заражение» [1].

Идея использования представлений о вирусах в экономике уже работает, например, в понятиях «вирусный маркетинг» или «вирусная реклама». Это

общее название различных методов распространения рекламы, в которых главным распространителем информации являются сами получатели информации, за счет формирования яркого, необычного содержания, способного привлечь новых получателей информации. Успешная вирусная реклама приводит к распространению информации, близкой к геометрической. Экономический эффект в этом случае многократно превышает результаты от других видов рекламы.

Социально-экономические вирусы, распространяясь в нашей цивилизации, изменяют мировоззрение, мировосприятие и мироотношение. В.И. Ленин написал, что теория становится материальной силой, как только она овладевает массами. Эти слова подтверждают применимость концепции о социально-экономических вирусах на практике.

Например, многие теоретические концепции можно отнести к социально-экономическим вирусам. «Рукописи не горят». Гелиоцентрическая картина мира Николая Коперника, несмотря на запрет католической церкви, получила распространение, послужила развитию науки и подготовила распространение атеизма. Идеи Маркса о прибавочной стоимости выросли в социальные эксперименты XX в. Первые курсы маркетинга, которые начали читать в 1902 г. Эдвард Джонс и Саймон Литман, выросли в современные подразделения маркетинга, без которых не обходится ни одна успешная коммерческая организация.

Вместе с тем удачные примеры мошенничества воспроизводятся, распространяются и вызывают подражание, как вирусы, и при отсутствии противодействия приводят к разрушению социально-экономической системы — банкротству. 90-е гг. показали, как криминализация проникает во все сферы экономики, заражая все вокруг и дестабилизируя обстановку.

Социально-экономические вирусы, являясь в первую очередь информационными образованиями, распространяются в обществе и изменяют социальные и экономические процессы. Как и компьютерные вирусы, являясь в большинстве своем вредоносными образованиями, социально-экономические вирусы могут приносить в некоторых случаях свою пользу. Особенно когда с соблюдением законов используются в конкурентной борьбе.

В заключение можно отметить, что «теория управляемого хаоса» Стивена Манна подводит теоретическое обоснование под широко известный принцип Римской империи: «разделяй и властвуй». В современном мире этот принцип приобрел новую динамичную окраску. После отказа от коммунистических

идей и проведения рыночных реформ Россия, российские компании не перестали быть для западных стран конкурентами, против которых можно применять все возможные способы недобросовестной конкуренции и латентного управления. Наглядным примером этому служит ситуация на Украине. Раздувание противостояния с Россией, выращивание национализма, санкции против российских компаний — все это делается не для установления нового порядка, не для создания сильного свободного Украинского государства, а для развития «самовоспроизводящегося хаоса».

Российские корпорации в силу своей национальной принадлежности неизбежно будут встречаться на международных рынках не только с ожесточенной, но и недобросовестной конкуренцией, деструктивным латентным управлением, и им необходимо понимать не только источники и природу, но и методологические основы направленных против них мероприятий. «Теория хаоса» Стивена Манна, широко обсуждаемая и комментируемая в прессе и интернет-сообществе, является одним из наиболее ярких примеров концептуального обоснования политики двойных стандартов, на которых базирует свои действия политическая и экономическая элита Запада: «для своих — всё, для чужих — ничего».

Литература

1. Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание [Текст] / Р. Броуди. — М.: Поколение, 2007. — 304.
2. Клаузевиц Карл фон. О войне [Текст] / Карл фон Клаузевиц. — М.: Госвоениздат, 1934.
3. Савченко А.В. Сущность латентного управления [Текст] / А.В. Савченко. — М.: ГОУВПО «ГУУ», 2014. — 146 с.
4. <http://spkurdyumov.ru/what/mann/2/>
5. https://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_хаоса

References

1. Broudi R. *Psikhicheskie virusy. Kak programmiruyut vashe soznanie* [Mental viruses. How are programming your mind]. Moscow, Pokolenie Publ., 2007. 304.
2. Karl fon Klauzevits «O voyne» [“About War”]. Moscow, Gosvoenizdat Publ., 1934.
3. Savchenko A.V. *Sushchnost' latentnogo upravleniya* [The essence of the latent control]. Moscow, GOUVPO «GUU» Publ., 2014. 146 p.
4. Available at: <http://spkurdyumov.ru/what/mann/2/>
5. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Teoriya_khaosa